

RU

Семантика и функциональная роль наречий в сельскохозяйственных и промысловых заговорах (на материале русских заговоров Карелии)

Коновалова М. А.

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли наречий в сельскохозяйственных и промысловых заговорах Карелии. Цель работы – систематизация наречной лексики в заговорных текстах на основании их функциональных и семантических особенностей. Материалом исследования послужили заговоры из четырех сборников XVII-XX веков. В рамках исследования были выделены и проанализированы ключевые семантические группы наречий: обстоятельственные (места и времени) и определительные (образа действия, меры и степени). Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые представлен систематизированный корпус наречий в сельскохозяйственных и промысловых заговорах Карелии. Результаты исследования выявили преобладание сельскохозяйственных, а именно скотоводческих заговоров, что связано с хозяйственной спецификой региона, а также особенностью жанра заговора. Обстоятельственные наречия преимущественно участвуют в формировании устойчивых фольклорных формул, отражая характерное для жанра заговора отношение к пространству и времени. Определительные наречия, напротив, связаны с тематическим содержанием заговора и демонстрируют традиционные народные представления о мироустройстве. Особое значение имеют диалектные наречия, подчеркивающие локальную специфику карельской заговорной традиции. Выявлено, что наречия всех групп могут составлять синонимические ряды, параллелистические конструкции, а также участвовать в формировании антитезы, например при противопоставлении «своего» и «чужого» пространства.

EN

Semantics and functional role of adverbs in agricultural and hunting-related charms (based on Russian charms of Karelia)

M. A. Konovalova

Abstract. This article is devoted to the investigation of the role of adverbs in agricultural and hunting-related charms (incantations) of Karelia. The aim of this work is to systematize adverbial vocabulary in charm texts based on their functional and semantic features. The research material consists of charms from four collections dating from the 17th to the 20th centuries. Within the framework of the study, key semantic groups of adverbs were identified and analyzed: circumstantial (of place and time) and determinative (of manner, measure, and degree). The scientific novelty of the work lies in the fact that it presents, for the first time, a systematized corpus of adverbs in agricultural and hunting-related charms of Karelia. The results of the research revealed the predominance of agricultural, specifically livestock-related, charms, which is related to the economic specifics of the region, as well as the particularities of the charm genre. Circumstantial adverbs predominantly participate in the formation of stable folklore formulas, reflecting the attitude towards space and time characteristic of the charm genre. Determinative adverbs, on the contrary, are associated with the thematic content of the charm and demonstrate traditional folk ideas about the world order. Dialectal adverbs are of particular importance, emphasizing the local specifics of the Karelian charm tradition. It was found that adverbs of all groups can form synonymic series, parallel constructions, as well as participate in the formation of antithesis, for example, when contrasting "one's own" and "foreign" space.

Введение

Один из источников информации об истории, традиционной жизни и обычаях народа – это фольклорные материалы, аккумулирующие важнейшие знания, которыми владели наши предки. Взгляды на жизнь и исторические события, а также отношение к ним наиболее подробно представлены в народном эпосе, преданиях,

легендах и сказках, в то время как отражение повседневной рутины, быта, которые зачастую сопровождалась особыми обрядами, мы можем найти в народной магии. Актуальность исследования обусловлена тем, что именно обрядовая часть народной жизни, отображенная наиболее детально в заговорах и комментариях к ним, дает нам представление о специфике традиций и образа жизни людей, проживавших на определенной территории. Изучая вербальную составляющую народной магии, зафиксированной как самими ведунами, знахарями или же обывателями, прибегающими к заговорам, так и учеными-фольклористами, обращавшимися к ним, мы можем проследить за развитием и трансформациями не только языка, но и традиций. Наиболее репрезентативен в этом отношении лексический уровень языка.

Для достижения цели исследования необходимо решить несколько задач. Во-первых, следует осуществить отбор текстов из сборников заговоров указанной тематики, сформировав корпус исследуемого материала. Во-вторых, необходимо выделить в этих текстах наречия и провести анализ наречий разных семантических групп с целью выявления закономерностей. В-третьих, важно исследовать семантику и функциональную роль ядерных лексических единиц в каждой группе, чтобы определить их значение в сельскохозяйственных и промысловых заговорах.

Для решения поставленных задач были применены следующие методы исследования: метод сплошной выборки (для отбора текстов заговоров из сборников); метод количественной обработки и систематизации языкового материала (для определения ядерных лексических единиц); метод лингвокультурологического анализа (для интерпретации выделенных единиц в контексте).

Теоретической базой для данной статьи стали работы Т. М. Носань (2014), С. А. Капитоновой (2018), А. Ф. Кривоноженко (2020), Ю. Г. Шикалова (2020), посвященные изучению истории Карелии, что позволило раскрыть особенности хозяйственной деятельности региона. Важнейшим в рамках данного исследования является вопрос жанровой характеристики и специфики языка фольклора, рассматриваемый в трудах М. А. Бобуновой (2023), А. Л. Топоркова (2024), С. П. Праведникова (2024). Тематическая группа восточнославянских сельскохозяйственных заговоров, тексты которых представляют центральный предмет исследования, изучалась В. Н. Топоровым (1999), А. В. Шрубком (2016), Т. А. Агапкиной (2022), С. В. Ковалевой (2023). Кроме того, нами учитывались труды М. А. Сурган (2014), а также Г. И. Пановой и А. Е. Кузьминой (2022), дающие характеристику наречию как части речи в современном русском языке.

Материал настоящего исследования – тексты сельскохозяйственных и промысловых заговоров, представленные в нескольких сборниках, а также словари и энциклопедии:

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 1. А – З.
- Мансика В. Заговоры Пудоожского уезда Олонецкой губернии // *Sbornik filologicky / Trida Ceske akademie ved a umeni. Vydava III. Praha, 1926.*
- Русские заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец; науч. ред. Н. А. Криничная. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000.
- Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. / под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. С. М. Толстой. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д – К (Крошки).
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. / под ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. Вып. 1. А – Дрожжаник (СРГК).
- Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2002. Вып. 2. Ба – Блазниться (СРНГ).
- Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2010. Вып. 43. Сухлость – Телеп (СРНГ).
- Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах при изучении студентами гуманитарных направлений курсов, посвященных фольклористике, языку фольклора, лексикологии и лексикографии. Кроме того, полученные данные могут найти применение при разработке методических и учебных пособий, заданий для самостоятельной работы студентов, подготовке семинаров и практических занятий.

Обсуждение и результаты

Как было отмечено ранее, заговорные тексты непосредственно связаны с повседневной жизнью человека, поэтому, прежде чем обратиться к фольклорным текстам, нам представляется актуальным обозначить основные направления деятельности русского населения Карелии в промысловой и сельскохозяйственной сферах в XVII–XX веках. При этом необходимо учитывать разницу в природных условиях, а также соседство на территории республики разных национальных групп: русских, карел, финнов, вепсов и саамов. Так, Т. М. Носань, перечисляя сферы хозяйственной деятельности карел, подчеркивает разницу между занятиями населения в разных областях: в центральной Карелии – «трехпольное и подсечное земледелие (рожь, ячмень, овес, редька, лук, горох). На юге – капуста, репа, картофель (с 40-х годов XIX в.), лен, конопля. Занимались охотой, рыболовством, животноводством, лесными промыслами (рубка, сплав, переработка древесины, смолокурение,

производство дегтя), на севере оленеводством» (2014, с. 36). Ю. Г. Шикалов, обратившись к истории Беломорской Карелии, отмечает, что основными занятиями жителей там «назывались охота и рыболовство» (2020, с. 191), а скотоводство не было столь распространено, «и жители содержали лишь тощих коров, по несколько овец и оленей» (2020, с. 191). Исследователь также упоминает, что «в начале XX столетия земледелие и ремесла уже не имели большого значения в жизни карел западных и центральных регионов Кемского уезда» (Шикалов, 2020, с. 195), а среди основных занятий населения Кемского уезда указывает следующие виды хозяйственной деятельности: «торговля в Финляндии, заготовка и сплав леса для лесопильных заводов» для западных и центральных приходов, «рыболовные промыслы на Мурманском берегу, лесозаготовки, рыбная ловля в озерах и реках, заготовка и сплав леса» (Шикалов, 2020, с. 197) – для восточных. Безусловно, это связано с суровыми климатическими условиями и близостью моря. С. А. Капитонова, анализируя основные этапы хозяйственного освоения Карельского поморья, отмечает важнейшую роль в период с XII по XIX век рыбного промысла, который также и «в советский период для поморов оставался ведущей отраслью хозяйства» (2018, с. 110). Несмотря на высокую значимость рыболовства, русских заговоров данной тематики сравнительно немного: во всем объеме текстов, составляющем сто пятьдесят заговоров из четырех источников, лишь шесть посвящены рыболовству, и десять – охоте. Вероятно, это связано с тем, что в промысле взаимодействие человека с объектом заговора было недостаточно длительным, а сфера влияния – объемной: заговаривающий просит удачи на рыбалке или охоте, а также о том, чтобы не портились ловушки. Кроме того, это может быть связано с элементом удачи: информанты могли остерегаться раскрывать свои тайны собирателям фольклора. Еще одна возможная причина – использование для данных целей заговоров не на русском, а на прибалтийско-финских языках.

Количество заговоров сельскохозяйственной направленности значительно больше. Среди них, в свою очередь, преобладают скотоводческие, в то время как примеры земледельческих заговоров единичны. Такое распределение текстов связано, с одной стороны, со спецификой хозяйственной деятельности, а с другой – с представлениями о возможностях народной магии. Так, несмотря на то что «земледелие являлось важной частью хозяйственной деятельности крестьян на протяжении веков» (Кривоноженко, 2020, с. 73), оно требовало значительно меньшего участия человека, чем животноводство. Хозяин находился рядом со скотом в течение всего года: занимался его покупкой и продажей, выпасом и лечением, дойкой и отелом, а каждый этап взаимодействия сопровождался особыми обрядами и заговорами. Кроме того, А. Ф. Кривоноженко отмечает, что «у местных крестьян было мало рабочих лошадей и прочего домашнего скота» (2020, с. 74), что свидетельствует о высокой ценности животных в хозяйстве. Специфика народной магии также отразилась на количестве этих групп текстов: согласно верованиям, живые существа (люди или животные) в значительно большей степени подвержены влиянию заговоров и, соответственно, чаще становятся объектами их воздействия.

Обратившись к заговорным текстам, проанализируем наречия: их семантику и функциональную роль. Наше внимание привлекла именно данная часть речи в связи с тем, что она изучена наименее детально, а «состав слов, относимых разными русистами к наречиям, весьма неоднороден» (Панова, Кузьмина, 2022, с. 580). Кроме того, стоит заметить, что «факт самостоятельности наречия как части речи не раз ставился под сомнение в грамматических учениях, описывающих систему русского языка» (Сурган, 2014, с. 140). Тем не менее традиционно выделяются две большие группы наречий: определительные (образа действия, причины, цели, меры и степени) и обстоятельственные (места и времени).

Обстоятельственных наречий в текстах заговоров было обнаружено несколько меньше, чем определительных, а наречий времени и места – примерно равное количество. В каждой группе наречий выделяются как наиболее частотные, встречающиеся в большинстве сборников, так и редкие, отмеченные лишь в одном источнике. Обратимся к наречиям места. В этой группе «ядерными» единицами можно назвать «домой» (вхождение в 2 сборника, 12 словоупотреблений), «тут» (в 2 сборниках, 11 словоупотреблений), «там» с вариантом «тамо» (СРНГ, 2010, с. 257) (в 3 сборниках, 6 словоупотреблений), «назад» с фонетическим вариантом «назатъ» (в словарях не зафиксировано) (в 3 сборниках, 5 словоупотреблений). Наречия места в исследуемых текстах преимущественно используются в основной части заговора и связаны с их тематическим содержанием, в отличие, например, от любовных заговоров, где наречия места обычно входят в зачин. Так, наиболее частотное наречие «домой» встречается в заговорах, связанных с покупкой или продажей скота («Плод да живот домой понесла, тоску и печаль назади оставляй. Домой дорога, по бокам косая изгорода, взад скрыта дорога» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 122)), а также с выгоном на пастбище, т. е. «отпуском» («раб Божий пастырь мог бы ей владеть, так бы христианска скотинка ему повиновалась, как бы он заговорел и закричал, так бы она поворота по своей запашки держала бы домой» (Мансикка, 1926, с. 225)) или с поиском пропавшего животного («Восподин Лисной, выгони мою скотину! У миня скотина не бранёна, не журёна – з Богом спущона. Где моя скотина не ходи, а домой приходи!» (Мансикка, 1926, с. 227)). Издревле считалось, что дом – важнейший локус. Это пространство, наиболее приближенное к человеку и обладающее сильнейшими защитными и охранительными функциями. В фольклоре дом – не только «строение для житья» (Даль, 2006, с. 216), это также и «символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов» (Славянские древности, 1999, с. 116). Данная лексема используется как образ «своего» пространства в сельскохозяйственных заговорах.

Наречие «там», следующее по частотности, напротив, маркирует «чужое» пространство и обычно используется в заговорах, призванных защитить скот от нападающих животных, которые изгоняются в особое место, например, за море. Такие тексты Т. А. Агапкина называет «отгонными» заговорами, которые основаны «на мотивах обратного счета, изгнания недуга в далекие места, где ничего нет, или туда, где хорошо» (2022, с. 259).

С помощью указательного наречия «там» описываются характеристики места изгнания: «Подьте вы за синее окян-море, на диком лесе; тамо вы ешьте зеленую траву, пейте болотную воду, ломайте и ворочайте пенье и колоде, и выискивайте дикое камень, а у меня, раба божия пастыря, в моей поскотине вам ни питья ни яденья» (Рыбников, 1991, с. 223). Кроме того, лексема «там» может фигурировать в заговоре, применяемом при покупке коровы, для описания недостатков места, которое животное покидает, чтобы у него не возникло желание вернуться обратно: «Из дому вышла, домой пришла, там твой дом сгорел, все сгорело, и родители погибли» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 122). Реже это наречие встречается в зачине: «Выйду в чисто полё. Там стоит избушка» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 131), так как сама конструкция сельскохозяйственных заговоров обычно не включает зачин и концовку, ограничиваясь основной частью и молитвенным вступлением и завершением.

С аналогичной целью – чтобы не дать корове вернуться в старый дом – в текстах используют наречие «назад»: «Напраф матушку скотинку вдоль дорошки к такому-то [имя покупателя], шtbody чтобы назать не оввёрты-валась» (Мансикка, 1926, с. 227). Еще одно значение – защитить стадо от возможной угрозы, остановив человека со злым умыслом: «Завяжи ег(о), Господи, пут(ь), моег(о) супостата, аки бешену псу: ни ступит(и) ни назад, ни вперед, ни единыя ступени и ни единые черты» (Топорков, 2010, с. 115). Как мы можем видеть, значительное количество лексем указывает на местоположение чего-либо относительно заговаривающего или объекта заговора («спереди», «побоку», «вокруг», «вверх», «вниз» и др.): «Назади пень-колода, а впереди путь-дорога» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 123), что подчеркивает важность для заговора конкретной ситуации, в рамках которой он произносится.

Среди наречий времени наиболее частотными являются «отныне» с несколькими вариантами («отныни», «отыни», «отныня») (вхождение в 4 сборника, 17 словоупотреблений), «присно» (в 3 сборниках, 15 словоупотреблений), «ныне» (в 4 сборниках, 11 словоупотреблений). Как указанные выше лексемы, так и использующиеся с ними в устойчивых сочетаниях «донныне», «навек», «вовек», «всегда» встречаются в молитвенном завершении заговоров во всех четырех сборниках с некоторыми вариантами, приведем примеры: «...закрой мои ловушки <...>. Всегда и ныне и присно» (Топорков, 2010, с. 101), «...так бы и сбирались малое (милое) мое стадо на означенное место, <...> всегда, ныне и присно» (Рыбников, 1991, с. 224). Все эти слова призваны распространить действие заговора на максимально обширный промежуток времени. Заговаривающий использует синонимический ряд, чтобы как можно лучше укрепить силу слов, повторяя их. Такое молитвенное заключение входит в «определённый формуляр русских заговоров, многие из которых представляют собой промежуточные образования между заговором и молитвой» (Топорков, 2024, с. 85). Стоит заметить, что наибольший объем подобного рода молитвенных заключений встречается в сборниках В. Мансикки и Т. С. Курец, содержащих заговоры XX века.

Помимо упомянутых выше наречий, нами были выделены единицы, указывающие на время суток: «утром», «вечером», «днем», «ночью», «рано», «поздно», а также некоторые синонимичные словообразовательные варианты. Они могут иметь как аналогичное значение, то есть распространять действие заговора на все промежутки времени, перечисляя их («И ты, раба Божья, не знай не устали, не пристали, не днём, не ночью» (Мансикка, 1926, с. 218)), так и называть непосредственное время совершения каких-либо хозяйственных действий («По вечеру поздно и по утру рано, из сырого бору, из чистого поля, из зеленой дубравы домой сходились к домам и расходились по дворам. Положу я, раб Божий» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 133)). Кроме того, в некоторых текстах сходной тематики и содержания могли встречаться не наречия, а однокоренные имена существительные: «Шли бы безостановочно в день и ночь, во всяк час, в утрях рано и вечеру поздно» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 136-137). В некоторых источниках также обнаруживаются названия времен года, но они выражены с помощью имен существительных, а не наречий, как в случае со временем суток. В данной ситуации мы сталкиваемся с тем, что достаточно часто наречия времени, как и наречия места, образуют «оппозиции, в которых проявляется общий семантический элемент, обозначающий базовую категорию картины мира: пространство, стихия, вещество, динамика, состояние, величина и др.» (Ковалева, 2023, с. 4). Таким образом, можно увидеть, что обстоятельственные наречия функционируют в рамках устойчивой системы с взаимообусловленными элементами. Кроме того, именно обстоятельственные наречия, обладающие наибольшей частотностью, показывают «значительное число совпадений, что подтверждает единство жанра» (Бобунова, 2023, с. 53) русского заговорного текста.

Определительные наречия отличаются большим разнообразием и независимостью, а также количеством словоупотреблений в каждом из сборников. Почти все определительные наречия располагаются в основной части заговоров и семантически связаны с их тематикой. Сопоставив выделенные определительные наречия, мы выявили, что повторяющихся в сборниках единиц практически нет: лишь одно наречие «крепко» (24 словоупотребления) зафиксировано в трех сборниках из четырех, при этом оно находится в закреплении заговора, приведем примеры: «Сколь крепко стоит на месте и держится в месте Синай-гора, <...>, и столь бы же крепко сей огород, и сей заговор кругом меня, раба божия, и кругом милого моего живота и крестьянского скота на сохранение и на бережение» (Рыбников, 1991, с. 220). Тем не менее данное наречие может быть использовано и в основной части заговоров. Такие тексты предназначены преимущественно для того, чтобы корова стояла спокойно во время дойки («Сколь плотно и крепко стоит эта подвалина, столь плотно и крепко стой эта крестьянская скотиночка» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 127-128)) или оставалась у своего хозяина либо на выпасе («Конь бы крепко и плотно около рабой Божьей пояс дёржалсэ, тоть бы крепко и плотно и моя скотинка дёржаласе своего двора и ухожья» (Мансикка, 1926, с. 230)).

В двух последних текстах мы снова можем видеть характерное для заговора использование синонимов «крепко» и «плотно» (также могут использоваться наречия «твердо» и «туго»): «И этот хлеф не шевелит ни рукой, не ногой, и так бы раба Божья скотинушка стояла бы плотно и твердо на цётырех ногах, не могла бы она в доенши шевелить не рукой, не ногой, не буйной головой» (Мансикка, 1926, с. 228-229). В большинстве случаев, как можно видеть из примеров, приведенных выше, наречия повторяются в обеих частях параллелистической заговорной формулы: как действует объект А, так же должен действовать и объект Б. В последнем же примере мы сталкиваемся с эллипсисом, когда образ действия формулируется лишь в одном случае, а во второй части заговаривающий ограничивается словом «так».

Несмотря на то, что большинство определительных наречий обнаружены лишь в одном-двух сборниках, мы видим необходимым обратить внимание на ряд особенностей, с ними связанных. Первая особенность заключается в «очеловечивании» скота и теплом, заботливом к нему отношении. Нельзя не заметить, что в заговорах человек называет животных «милый скот», «любимое стадо», «скотиночка», «животинка» и т. п., а в отдельных текстах корова по подобию человека именуется «рабой божьей». Некоторые заговоры, предназначенные для лечения болезней или облегчения родов, используются в отношении как человека, так и животных: одни тексты имеют подобное двойное назначение уже в заголовке, другие могут иметь аналогичную структуру и различаться незначительными элементами. Такое сходство, по замечанию А. В. Шрубок, «указывает на существование тесной связи между народной медициной и народной ветеринарией в целом, на существование единой философии лечения болезней человека и скота, что предусматривает наличие общей для тех и иных природы возникновения недугов и способов избавления от них» (2016, с. 71). Мы же проведем параллель и приведем примеры скотоводческих заговоров, имеющих точки пересечения с заговорами любовными, что на лексическом уровне проявляется в том числе в использовании наречий «жарко», «ясно», «вместе». Можно увидеть, что образ огня в заговоре для «обороны скоту» («Как горят огни горящие и непотухающие жарко и ясно, так бы горело у скота сердце и печень, и все составы, друг по дружке» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 136)) повторяет образ из свадебного оберега («Коль жарко разгораются дрова и угольё, <...> столь же бы пылко, столь же бы жарко горело сердце и кровь; в день бы она ходила, голова бы у ней болела, сердце бы щемило, хлеба бы не ела; друг без дружки головы у них болели, в ночь сна друг без друга не было» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 47)). В том же свадебном обереге встречаем диалектные наречия «безопасно» и «безотвратно» («И как идет солныще к вечеру на покать на запад безотпятно, так же бы тая р<аба> Б<ожья> (имя) по р<абу> Б<ожнему> (имя) безопасно и безотвратно» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 48)), которые повторяются в заговоре для охраны скота на пастбище («Милый крестьянский живот собирался в одно место и шли домой к своим дворам и хозяйствам на голос трубный <...>, безотпятно и безотвратно дружка за дружкой» (Русские заговоры Карелии, 2000, с. 143)). В. Н. Топоров писал, что корова имела важнейшее значение не только в хозяйственной жизни славян, но и «была определяющей и в духовном – религиозном, мифологическом, поэтическом плане и, более того, во многом определяла жизненный уклад» (1999, с. 509). *Таким образом, антропоморфная лексика, а также параллели в структуре и лексическом составе заговоров подчеркивают глубокую связь между человеком и домашним скотом в традиционной картине мира, где животные воспринимались не только как хозяйственный ресурс, но и как часть семейного пространства.*

Вторая особенность состоит в большем (по сравнению с обстоятельными) количестве диалектных единиц среди определительных наречий. С. П. Праведников отмечал, что «именно малоупотребительные слова создают неповторимый колорит языка той или иной местности» (2024, с. 238). В заговорных текстах примерами таких слов являются следующие единицы: «всёровно», «доволонё», «безотпятно», «безотвратно», «сысполна», «сяжно». Наречия «всёровно» и «доволонё», представленные в текстах сборника В. Мансикки (1926), не обнаружены нами в словарях. Исходя из контекста, можно предположить, что значение «всёровно» синонимично фразеологизму «всё равно», т. е. одинаково: «Закрой, Господи, всёровно, што под облаком, никто бы ни слышал, ни видал моей милой скотины» (Мансикка, 1926, с. 225). Очевидно, данная формула имеет защитную функцию, так как она же встречается в свадебном обереге: «Закрываю я ету свадьбу всёровно, што пот оболоком» (Мансикка, 1926, с. 224). Наречие «доволонё» имеет более прозрачную семантику «довольно, в достатке, много»: «У мня у хозяина всёго доволонё, пей и еш» (Мансикка, 1926, с. 226). Наречия «безотпятно» и «безотвратно» зафиксированы в СРНГ (2002, с. 196-197) и СРГК (1994, с. 53) в значении «не отрываясь», «безотрывно». Единица «сысполна» значит «целиком, полностью; сполна» (СРНГ, 2010, с. 174) и встречается в сборнике В. Мансикки: «С ноги на ногу не ступай, сысполна мне удоець отдавай» (1926, с. 227). Наречие «сяжно» имеет, согласно СРНГ, два значения «1. Праздно, без дела» или «2. Приятно, хорошо» (2010, с. 193); в сборнике «Русские заговоры Карелии» оно используется во втором значении, составляя синонимическую пару с наречием «любо»: «Пойду я, раб Божий имярек, куда надобно и куда сяжно, и где любо» (2000, с. 148). Безусловно, диалектизмы есть и в группе обстоятельных наречий, но они не отличаются настолько яркой своеобразностью, а также распространены в нескольких диалектах, в то время как определительные наречия имеют в словарях пометы, относящие их преимущественно к территории Карелии и сопредельных областей.

Итак, мы видим, что группа определительных наречий, несмотря на небольшую частотность отдельных единиц, обладает определенными общими особенностями. Во-первых, это «очеловечивание» скота, подчеркивающее тесную связь человека с животным. Во-вторых, это значительная доля диалектных наречий, которые характерны для региона, что формирует в рамках заговорного текста локальную специфичность, отражающую местную языковую традицию.

Заключение

Таким образом, анализ текстов сельскохозяйственных и промысловых русских заговоров, записанных на территории Карелии с XVII по XX век, позволяет нам сделать следующие выводы в соответствии с поставленными задачами:

1. Был осуществлен отбор заговоров сельскохозяйственной и промысловой тематики из четырех источников, в результате чего обнаружилось значительное преобладание сельскохозяйственных, а именно скотоводческих заговоров. С одной стороны, это объясняется специфическими условиями хозяйственной деятельности населения, а с другой – особым отношением и почитанием славянскими народами крупного рогатого скота.

2. Анализ выделенных в текстах заговоров выявил определенные закономерности. Обстоятельственные наречия представлены традиционными для жанра заговора единицами, зачастую входящими в состав устойчивых формул. Определительные наречия, напротив, характеризуются значительным разнообразием и низкой частотностью, а также семантической обусловленностью тематикой заговора.

3. Исследование семантики и функциональной роли ядерных единиц в данных группах позволило определить важные для заговора характеристики. Наречия места встречаются главным образом в основной части и демонстрируют важность для человека домашнего локуса, а также соотносительность текста заговора с реальной или воображаемой ситуацией. Наречия времени располагаются в молитвенном заключении и призваны закрепить действие произнесенных слов. Среди определительных наречий, использующихся преимущественно в основной части, выделяются единицы, традиционные для группы лечебных заговоров, предназначенных для людей, и некоторых любовных заговоров. Кроме того, исследование показало, что часть наречий данной группы представляет диалектную лексику, это подтверждает сформулированные фольклористами положения о наддиалектной природе языка фольклора, включающего как специфическую локальную, так и общенародную лексику.

Перспективы дальнейшего исследования обусловлены тематическим разнообразием текстов сборников, в связи с чем, в первую очередь, необходимо провести анализ наречий других тематических групп заговоров (лечебных, любовных и др.) из указанных источников. Данный анализ позволит сопоставить корпус наречий как между разными тематическими группами в нескольких сборниках, так и между сборниками разных периодов. Такой подход не только углубит понимание функциональной роли наречий в контексте народной магии, но и поможет выявить общие и специфические черты в языке и структуре заговоров.

Источники | References

1. Агапкина Т. А. Белорусские и украинские заговоры от перелогов: межжанровые переключки // *Studia Litterarum*. 2022. № 4.
2. Бобунова М. А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // *Вопросы лексикографии*. 2023. № 28.
3. Капитонова С. А. Основные этапы хозяйственного освоения Западного (Карельского) Поморья // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2018. № 4 (49).
4. Ковалева С. В. Специфика представления концептуальной зоны здоровья в текстах народных заговоров // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 7 (43).
5. Кривоноженко А. Ф. Кризис системы подсечно-огневого земледелия в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX века // *Вестник Брянского государственного университета*. 2020. № 4 (46).
6. Носань Т. М. Многонациональная культура Карелии и ее традиции // *Традиционное прикладное искусство и образование*. 2014. № 3 (10).
7. Панова Г. И., Кузьмина А. Е. Проблема определения диапазона наречия в русском языке // *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 6 (97).
8. Праведников С. П. Семантическая и функциональная специфика лексики на фоне жанровой и территориальной дифференциации языка русского фольклора // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2024. № 4 (55).
9. Сурган М. А. К вопросу об объеме наречия как части речи в современном русском языке // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2014. №1-1.
10. Топорков А. Л. Проблемы издания и комментирования русского магического фольклора // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2024. Т. 7. № 2.
11. Топоров В. Н. Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // *Славянские этюды: сборник к юбилею С. М. Толстой*. М.: Институт славяноведения РАН, 1999.
12. Шикалов Ю. Г. Между Финляндией и Поморьем: карелы Кемского уезда в описаниях современников (конец XIX – начало XX в.) // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2020. № 5.
13. Шрубок А. В. Белорусские заговоры от болезней крупного рогатого скота: функциональные, структурные и семантические особенности // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2016. № 4.

Информация об авторах | Author information

Коновалова Мария Александровна¹

¹ Петрозаводский государственный университет

Mariia Aleksandrovna Konovalova¹

¹ Petrozavodsk State University

¹ konovmasha@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.04.2025; опубликовано online (published online): 16.05.2025.

Ключевые слова (keywords): язык фольклора; русские заговоры Карелии; семантические группы наречий; функции наречий; промысловые и сельскохозяйственные заговоры; language of folklore; Russian charms of Karelia; semantic groups of adverbs; functions of adverbs; hunting-related and agricultural charms.